

Ростислав Александров

Волшебная скрипка короля

Если бы довелось нам каким-то чудесным образом оказаться на столетней давности одесской улице утром 24 февраля 1903 года, то услышали бы, как наперебой восклицают газетчики: «Волшебная скрипка Кармена на дне Одессы! Только в «Одесских новостях»! Волшебная скрипка!». И оказалось бы, что так представляли они новую главу «Волшебная скрипка» пространного очерка журналиста и писателя Лазаря Осиповича Кармена «На дне Одессы», печатавшегося с продолжением из номера в номер «Одесских новостей». Газета шла нарасхват, поскольку Кармена уважали за добротные, жестокой и грустной правды рассказы из жизни тех, коих суровая судьба бросила на самое дно богатого портового города.

На этот раз он написал о пивном заведении мадам Паулины Гоппенфельд на Преображенской, 32, что под названием «Гамбринус» укрылось в глубоком полутемном подвале на углу Преображенской и Дерибасовской, известном «большими, как фабричные трубы, кружками с черным пивом с «манжетами» (пенной) и скрипачом, широкоплечим блондином», которого посетители простецки и дружески называли Сашкой. «Сашка! Сашка! Кто не знает его! Его едут слушать со всех концов Молдаванки, Пересыпи и Слободки-Романковки, – свидетельствовал Кармен, –...он душу выворачивает своей скрипкой, он в состоянии заставить камни обливаться слезами и сейчас же заставить их пуститься в пляс!» Очерку Кармена о талантливом скрипаче – любимце публики был уготован обычный и грустный удел большинства газетных материалов, сообразно которому его напечатали, прочитали, пересказали, обсудили и... забыли.

Впрочем, такое сплошь и рядом случалось не только с сиюминутными газетными опусами.

Большую часть времени жил в Одессе, а известен был всей читающей России Семен Соломонович Юшкевич, который, по словам своего друга и коллеги Бориса Зайцева, «был органический писатель, в этом его главная сила, он достигает наибольшего тогда, когда живописует художнически – любимых им людей Одессы, когда дает неподражаемый их язык, трепет и нервность, и неправильность этого языка, и их облики, сплошь живые». Юшкевич сочинил, или, как любили писать когда-то раньше, его перу принадлежит повесть «Улица», в которой блистательная наша Дерibasовская, названная в заслуженную честь основателя прекрасного города, предстает символом беды, распроданной любви и растоптанной молодости его юных и нищих обитательниц. И в печальной повести Юшкевича остался знаменитый «Гамбринус», помимо названия ничего общего не имеющий со своим нынешним, давно переселенным в другое место тезкой: «Погребок полон. Играет музыка – скрипач, гармонист с папиросой в зубах. Пьяные, шумливые, притихли; неподвижно, как бы окаменев в своей позе, играет скрипач, и все – матросы, мастеровые, рабочие, уличные... дышат с ним одним дыханием, замерли, как он. Если бы так вечно, если бы сгинула жизнь там наверху и остался для души один этот миг радости...» Подобно другим своим землякам и коллегам, Юшкевич в смутное время покинул Одессу, а «Улица» вместе с другими его книгами долгие десятилетия была «вне закона», равно как память об авторе. Ее переиздали в Одессе только в 2002-м году, но не названных в ней, легко узнаваемых земляками-современниками Юшкевича «Гамбринус» и Сашку, нынешнему читателю уже не опознать.

И давно поросла бы травой забвения сама память о «короле «Гамбринуса» и его волшебной скрипке, не напиши о нем когда-то Александр Иванович Куприн, которого, может быть, именно Кармен и привел в заведение, – в этой связи в рассказе «Гамбринус» упоминается «одни репортер местной газеты, Сашкин знакомый». Куприн подружился с Сашкой, бывал у него дома на Садииковской, 40, что принадлежит легендарной Молдаванке, беседовал, узнал, что тот родом из местечка в Могилевской

Дом Хлопонина, за ним «Гамбринус»

губернии, рано потерял мать, а когда отец, бедный тачечник, привел в дом мачеху – подался куда глаза глядели, кормился игрой на скрипке, попал в Одессу, женился на красавице вдове с сыном, играет теперь в «Гамбринусе», жизнью доволен, деньжатами не обижен и клиентами обласкан. В Театральном, ныне Чайковского, переулке жил тогда ювелир Мойсей Хомицер, который вечерами аккомпанировал Сашке на пианино. Перед вечерней игрой Саша иногда захаживал к аккомпаниатору, а однажды пришел с Куприным. Хомицер, видимо, догадывался, чем может обернуться дружба писателя с Сашкой, и попросил Куприна «в случае чего» не упоминать его имени, поскольку дети учатся музыке, и ему вовсе не хочется, чтобы потом прознали, где играл их отец. Куприн уважил просьбу, и в рассказе лишь проходным персонажем появляется «аккомпаниатор, покончивший какое-нибудь стороннее дневное занятие у портного или часовщика», что никоим образом не сказалось потом на карьере его внука Михаила, талантливого виолончелиста.

Рассказ «Гамбринус» был напечатан в февральском номере журнала «Современный мир» за 1907 год. А два месяца спустя Куприн приехал в давно полюбившуюся ему Одессу, прибыл в «Гамбринус», расцеловал Сашку, одарил массивным серебряным портсигаром, поднес журнал с трогательной надписью, про-

сидел в дыму и музыке целый вечер и ушел вместе с ним. На улице Сашка, по своему обыкновению, приобрел у торговки связку бубликов, надел на шею и угощал встречных бродяг, подгулявших студентов и ночных красавиц с Дерибасовской, будто только что сошедших со страниц повести Юшкевича... Пришли к Сашке на Садиковскую и пили там «изрядный магарыч» во славу Одессы, Александра Ивановича, Могилевской губернии, Сашки, его волшебной скрипки и только что родившегося сына, нареченного Аароном-Яковом, Черного моря, пивного короля Гамбринуса и одноименного заведения.

А потом рассказ Куприна обрел собственную судьбу, удостоился одобрения самого Льва Николаевича Толстого, был переведен на другие языки и прочитан в других странах. Сашка же, как писал Куприн, «неизменно каждый вечер к шести часам уже сидел на своей эстраде со скрипкой в руках». Но в 1914 году, когда «Гамбринус» и вместе с ним Сашка не без влияния рассказа Куприна превратился достопримечательность Одессы, его завсегдатаи постепенно перекочевали в подвальчик «Тирольский грот» на Греческой улице, и вслед за ними ушел Сашка, так и не привыкший к такой громкой славе.

После «Тирольского грота» Сашку закрутило, понесло по Одессе: он играл в иллюзиях «Ренессанс» на Прохоровской, «Океан» на Колонтаевской, «Слон» на Мясоедовской, в подвальном ресторане «Зимний сад» на Преображенской... В 1919 году его старенькая скрипка еще звучала в кавказском погребке «Алла-верды» – на Ольгиевской улице близ Нового базара.

В начале лета 1920 года он в компании таких же безработных, обнищавших и голодных музыкантов отправился в Париж, только не в тот, где Елисейские Поля, а на окруженную щедрыми черноземными полями станцию, ныне именуемую Веселый Кут. Оттуда он подался в окрестные села в последней надежде сменить кувальничку соль на продукты, на обратном пути в столпотворении мешочников подхватил тиф, в полубредовом состоянии добрался до Одессы и 23 июня умер в Еврейской больнице на Госпитальной улице. Печальные хлопоты выпали на долю Сашиного пасынка, который в конце того же дня принес объявление о смерти отца на Екатерининскую, 8, где в помещении редакции закрытых

властями «Одесских новостей» располагалась редакция газеты «Известия Одесского губернского революционного комитета, Губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Одесского совета рабочих и крестьянских депутатов». Только так эту газету никто не называл из-за принципиального нежелания или длинного названия.

На следующий день «Известия» в рубрике «Скончались» напечатали крошечное, с почтовую марку, извещение: «Скончался Александр Яковлевич Пензнер (Сашка-скрипач из Гамбринуса), о чем извещают жена, дети и родственники. Вынос тела из евр. больницы сегодня, в 1 час дня по сов. времени». Наборщик «Известий» по ошибке набрал «Пензнер» вместо «Певзнер», какова и была фамилия Саши. Но это не имело большого значения, поскольку мало кто из завсегдатаев «Гамбринуса» знал его фамилию, для них он всегда оставался Сашкой из «Гамбринуса», как о том предусмотрительно и написано было в объявлении. К тому же, большинство из них, скорее всего, не читали «Известия», тем более за утренним кофе, а похороны ведь были назначены на час дня. В основном тут «голосовая почта» сработала: кто-то еще вечером узнал о смерти Саши, сказал другому, тот передал третьему, третий – четвертому, и волной пошла по городу грустная новость, которая всегда почему-то распространяется быстрее веселой. И множество людей пришли к больнице «в 1 час дня по сов. времени», когда июньское солнце еще и не поднялось над акациями Госпитальной улицы, потому как большевики несколько раз затевали декретные игры с часовыми стрелками, в результате чего оказалось, что солнце тоже может «спешить или опаздывать».

Тогда и много позже еще сохранялись кое-какие традиции ушедшей размеренной жизни, и гроб с телом усопшего везли на катафалке, провожающие его в последний путь степенно шли сзади, все это именовалось «похоронной процессией», и никому на улицах не мешало, ибо транспорта тогда было негусто. И на этот раз все происходило так же, но от Еврейской больницы похоронная процессия двинулась не в сторону кладбища, а на Преображенскую улицу к «Гамбринусу». Конечно, если бы сразу пойти на кладбище, то дойти туда можно было раза в три

быстрее. Но какая могла быть спешка в этом святом и печальном действе, когда люди прощались не только с Сашей-музыкантом, они прощались с молодостью, былым весельем и радостью, которые он дарил им своей скрипкой... Единственным знакомым мне человеком, который видел похороны Сашки, был профессор Одесского университета ботаник Георгий Иосифович Потапенко, который вспоминал, как шел он по своим студенческим делам в университет и на Преображенской угол Дерибасовской увидел толпу. Не чинно выстроенную процессию, а именно толпу, которая бывает, когда случается беда. И кто-то из толпы сказал ему, что хоронят Сашку, ничего больше не пояснив, поскольку считал, что Сашка один в Одессе и должен быть всем известен.

Провожавшие Сашку уже не знали, куда подевались последний хозяин «Гамбринуса» Герасим Тобаши и буфетчица Вера Кушнарева, заведение было закрыто, дверь, не оставляя никаких надежд, крест-накрест заколочена досками, а за ней в беспросветной темноте подвала еще стояли бочки, бочонки, старенькое пианино, и стены дышали давнишними пивными ароматами.

О похоронах Сашки-музыканта со многими подробностями написал в повести «Время больших ожиданий» Паустовский. Но яркие краски одесского лета плохо ложатся на грусть, беду, нищету и разруху, и он перенес время действия с лета на зиму: «Переваливаясь, брели старухи в теплых платках... За женщинами шли сызы от холода товарищи Сашки-музыканта <...> Музыканты вытащили из-под подбитых ветром пальто инструменты...». Теперь, читая об этом, веришь, что именно так все тогда и происходило, поскольку, как считал Эрнест Хемингуэй и соглашался с ним Паустовский, «правда литературы достоверней правды житейской».

Вдова Саши мадам Голда Старинская до появления повести Паустовского не дожила, но все, что было, видела, помнила и много лет спустя частенько вздыхала: «Чтобы в Одессе кого-нибудь еще так хоронили, как нашего Сашу, а?». При этом одни пожимали плечами, другие что-то бормотали, зато третьи молча кивали, наливали и не чокались.

И еще в середине 60-х годов прошлого столетия были живы те, которые в молодые годы знали Сашу, дружили с ним, слушали, привечали. Последний его аккомпаниатор времен

«Гамбринуса» милейший Константин Николаевич Вересковский. Знаменитый куплетист Лев Маркович Зингерталь. Борис Рейф, дирижировавший когда-то в трактире на Тираспольской улице созданным им женским духовым оркестром, что выглядело экзотически даже в Одессе, где, как известно, все возможно. Племянница жены. Приятель сына скрипач Роман Бельский. Сосед по дому на Садиковской. Ученик Саши Оскар Лихтештадт, который, сменив скрипку на аккордеон, виртуозно играл на нем в излюбленном морским народом ресторане «Волна» на Екатерининской угол Ланжероновской. Репортер «Одесских новостей». Наборщик из типографии «Одесского листка». Павел Николаевич Ростоцкий, официант ресторана «Неаполь» на Спиридоновской угол Нежинской, куда, отыграв в «Гамбринусе», Сашка захаживал по дороге домой, популярно перечислил мне его репертуар: «Сашка играл всяких песен – русских, украинских, греческих, еврейских, бессарабских, матросских и уркаганских, по-теперешнему жлобских». Эммануил Иосифович Соминский, редактор сатирической газеты «Перо в спину», которая в 1919 году печаталась с озорным подзаголовком «Газет выходит... бокком редактору, издателю и всем прочим лицам». Театральный администратор Альфред Осипович Сутин. Его коллега Игорь Владимирович Нежный. Шпрыхстальмейстер, сиречь ведущий программу в цирке Михаил Владимирович Никольский. Старейший одесский юрист Илья Вениаминович Шерешевский. Эстрадный артист. Виолончелист. Скрипач. Пианист. Баянист. Врач и самодеятельный художник Николай Зиновьевич Юхневич, который нарисовал когда-то карандашный портрет Сашки. Альбом с этим рисунком потом затерялся, но Сашку Николай Зиновьевич навсегда запомнил: «Когда я теперь прохожу мимо дома, где был «Гамбринус», передо мной встает моя молодость и Сашка над морем голов со скрипкой, которая брала за душу». Трубочка оркестра полка Миши Япончика Абрам Кодымер, которому, в отличие от командира, чудом удалось унести ноги после устроенной там провокации. Сотрудник губернского уголовного розыска. И некий гражданин с криминальным прошлым, авторитетно сообщивший, что «между музыкантами Сашка был все равно что Соня Золотая Ручка между нашими».

Большинство из них были уже не у дел, но старые музыканты иногда приходили к мастерской по ремонту музыкальных инструментов на Преображенской, 27. Для них это был своего рода клуб, где разговоры на сиюминутные темы перемежались давними воспоминаниями. Счастливчик ударник «из молодых» с радостью объявлял, что «в Молдавии таки можно купить сносный барабан», а старый флейтист доверительно сообщал, что «в мое время к ресторану «Лондонской» близко нельзя было подойти без галстука, я уже не говорю за пиджак». Здесь восхищались последней симфонией Шостаковича. Воскрешали из небытия давно забытые заведения, будь то респектабельный ресторан Я. Сегала – «все блюда исключительно на свежем коровьем масле» – или простецкая столовая «Белая скатерка» на Греческой площади. Вспоминали ушедших коллег: «Как это так, что я не знал Петю Алегораки, когда он был женат на мою сестру и играл в погребе мадам Цегельницкой, а после в трактире «Лондончик» на Ришельевской угол Малой Арнаутской, где его сменил Лазарь Саксонский, который стал потом большим человеком в музыке, и его сын-пианист Володя пошел в папины способности!». Негодовали по поводу того, что доморощенный, но обласанный властями историк, презрев твердую память старожилы, заявил в своей книжонке, что неподалеку от Дерibasовской «был описанный А. Куприным «Гамбринус» с румынским оркестром...». Восторгались повестью Паустовского: «Это же просто чудеса, как там написано за Одессу, за Сашу».

Старики охотно делились воспоминаниями о Саше-скрипаче, которые не были выглажены частыми повторениями, поскольку раньше никто их об этом не спрашивал. И я не спросил бы, не прочитай о Саше у Паустовского, причем не в одной его книге, а в трех, одна за другой выходявших три года подряд. Весной 1957 года Паустовский написал большой, на двадцать две страницы, очерк «Поток жизни», который с подзаголовком «Заметки о прозе Куприна» был напечатан в качестве вступительной статьи в 1 томе шеститомного собрания его сочинений осенью того же года. И начинался этот очерк воспоминанием о похоронах героя рассказа «Гамбринус» Сашки-скрипача. Потом Паустовский включил его в 5-й том собрания своих сочинений, который

«Сашка-музыкант». Скульптура А. Князика

вышел летом 1958 года, когда близилась к завершению его работа над повестью «Время больших ожиданий». И одна из ее глав начиналась все тем же воспоминанием о похоронах Саши-скрипача, которое Паустовский в нескольких местах чуточку изменил: что-то исключил, что-то добавил, что-то уточнил. Так, колченогие лошади перестали хромать, но стали «худыми», Куприн в «Гамбринусе» пил уже не пиво, а водку, фразу «Эти похороны были как бы концовкой купринского рассказа» заменили более соответствующие мемуарному жанру «Мне посчастливилось. Я видел подлинную концовку

рассказа «Гамбринус» – похороны Сашки-музыканта. Эту концовку дописала вместо Куприна сама жизнь».

А через много лет жизнь написала уже не концовку, а послесловие к этому рассказу, потому что, как сказано в ветхозаветной книге «Екклезиаст», «всему свое время, и время всякой вещи под небом». 1 апреля 2001 года, в день знаменитой одесской «Юморины», в уникальном Саду скульптур Литературного музея открыли памятник герою рассказа Куприна работы скульптора Александра Князика. Сашка-музыкант, сидя на бочонке, играет на скрипке, а на голове его залихватски сдвинутая на макушку корона, поскольку для очень многих он был «королем скрипки».

Поздравляем Александра Юльевича Розенбойма (литературный псевдоним – Ростислав Александров) с 75-летием и наградой одесского городского головы – знаком «Трудовая слава».